УДК 726.5

Митасова Светлана Алексеевна

**кандидат культурологии,
доцент кафедры культурологии
Сибирского федерального университета
dom-hors@mail.ru**

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ XVII В. ПОСРЕДСТВОМ ХРАМОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Аннотация:
В статье исследуется организационное социокультурное значение православных храмов в период освоения Сибири. Анализируется семантико-аксиологический аспект самых распространенных типов деревянных храмов. Клетские, шатровые, надвратные церкви XVII в. являлись первыми свидетельствами духовно-пространственной организации православной культуры Сибири. Храмы становились не только оплотами православия, но и маркерами национального самосознания русских.

Ключевые слова:
православная культура Сибири, культовая архитектура, социокультурные значения культового искусства.

Mitasova Svetlana Alekseevna

**PhD in Cultural Science, Assistant Professor of
the Cultural Science Department,
Siberian Federal University
dom-hors@mail.ru**

ORGANIZATION OF THE ORTHODOX CULTURAL SPACE IN SIBERIA IN 17 CENTURY BY MEANS OF TEMPLE ARCHITECTURE

Summary:
The article researches organizational sociocultural meaning of the Orthodox temples during the period of Siberia's development. The author analyzes semantic axiological aspect of the most common types of wooden temples. Klet, steepled, gateway churches of the 17th century evidenced spiritual spatial organization of the Siberian Orthodox culture. The temples were becoming not only stronghold of the Orthodoxy, but also they were the marks of the Russian national consciousness.

Keywords:
orthodox culture of Siberia, cult architecture, sociocultural values of cult art.

Одним из количественных показателей развития православной культуры в современной Сибири является число функционирующих храмов (приходов). В Сибири сейчас работают восемь епархий прямого подчинения и четыре митрополии (Иркутская, Красноярска, Новосибирская, Омская), объединяющие несколько епархий. Количество храмов различных типов и принадлежности исчисляется тысячами.

Православные храмы обладают социокультурной многозначностью, которая заключается в совмещении организационного, социально-репрезентативного, образовательно-просветительского, музейного, мемориального и других. Актуальность исследования значений храмовой архитектуры православия обусловлена ее репрезентативностью в выявлении ментальных оснований и ценностных ориентиров сибирского общества. Автор статьи ставит задачу изучения организационного социокультурного значения сибирского храма в православной культуре Сибири XVII в.

В официальной, государственно ангажированной версии XVII в. освоение Сибири началось с миссионерской целью. Летопись, созданная в 1636 г. дьяком Тобольского архиепископского дома Саввой Есиповым, повествует: «Посла Бог очистити место святы[н]и, и победити бусорманского царя Кучюма и разорити боги мерския и их нечестивая капища…» [1]. Русские казаки, разрушая «нечестивые капища», возводили на их месте православные храмы.

Культовое искусство в Сибири появилось с конца XVI в. с приходом первых завоевателей. Известно, что казачий атаман Ермак Тимофеевич и его дружина брали с собой в походы иконы-складни, ставили церкви-однодневки после благословения священника на местах основания острогов. Упоминания о постройках церквей, храмов, часовен, основании иконописных мастерских встречаются практически во всех исторических источниках о Сибири. Ремезовская летопись свидетельствует, что в одно время с Тюменским острогом (1586) построена церковь во имя Всемилостивого Спаса, которая была первой церковью во всей Сибири» [2, с. 267–268].

Многие острожные башни выполняли функцию культовых сооружений. В Спасской башне Илимского острога на обоих ее балконах находились часовни, одна из них была часовня Спаса Нерукотворного Образа (1667), которая помещалась над воротами и была устроена для сохранения образа Спасителя, выделена главкой.

В начале XVII в. поставление церкви на чужой земле было равносильно акту сотворения своего мира, освоению иного пространства. Очевидно, что культовые сооружения играли важную роль в организации социокультурного пространства Сибири.

Русские первопроходцы были носителями традиционной культуры. Для таких обществ было характерно противопоставление своего «космоса» и чужого «хаоса», который необходимо завоевать и упорядочить. Известный религиовед М. Элиаде писал, что разместиться на какой-либо территории, построить жилище «предполагает принятие жизненно важного решения как для всего коллектива, так и для каждого человека в отдельности. Ведь речь идет о том, чтобы взять на себя создание «мира», избранного для обживания. Следовательно, нужно повторить деяние богов, космогонию» [3, с. 27]. При освоении чужой территории сначала разведывательные отряды ставили зимовье, потом острог, в котором в одной из башен, чаще всего главной, устраивались церковь или часовня, далее возникал город с развитыми для своего времени коммуникациями, торговлей и инфраструктурой.

Подтверждение значения культовых сооружений в организации культурного пространства на сибирских просторах находим в работе отечественных авторов В.Н. Курилова, А.А. Люцидарской, А.Ю. Майничевой. В частности, авторы отмечают, что духовная освоенность территории, где расселялись русские, находится в очевидной зависимости от количества часовен и престолов церквей, а также от распределенности престольных праздников в календарном цикле [4].

Строительство храмов, церквей, часовен было идеологически важным делом, изначально государственные власти поддерживали этот процесс, посылали строителей (большей частью они были выходцами с Русского Севера), отправляли иконы, книги, церковную утварь, а также материалы для церковного устроительства.

Деревянные церкви в XVII в. были клетского и шатрового типов. Клетские церкви являют собой самый древний вид сооружений северорусского происхождения. В основе своей она содержит две поставленных рядом четырехстенных клети (сруба). Восточная клеть всегда ставилась выше другой, символизируя высоту Града Небесного по сравнению с градом земным. Клети покрывались двускатной крышей, в которую врезались луковичные главки, обитые лемехом. Например, церковь Иконы Божией Матери Казанская из Илимского острога (1679); по описаниям П.А. Ровинского, она была «так мала, что едва ли может поместить в себе более 20 человек, низка так, что снаружи вы достаете рукой края крыши, а внутри очень высокий человек достанет потолка головой» [цит. по: 5, с. 121].

Думается, что через малые размеры церкви проявляется идея человеческого микрокосмоса, наряду с практическими основаниями поставления молельни в пределах острога. Названия таких архитектурных элементов, как «глава», «шея барабана», «окна» (от слова «очи»), указывают на антропоморфность восприятия храма средневековым человеком. Для древнерусских культовых зданий, традицию которых продолжали сибирские церкви, характерна соразмерность храма человеку, «человечность» масштаба. Интерьер храма не подавляет, способствует созданию атмосферы уюта и доверия для более близкого общения человека и Бога. В православном храме во время богослужения человек предстоит перед иконостасом. Молитвенное «стояние перед Богом» как одно из средств связи с Ним характерно для православия, и сама структура храма указывает на такой способ поведения с высшими силами. Это не «путь к Богу», как, например, в католических вытянутых по горизонтали кафедралах, а именно предстояние. В этой острожной церкви молящийся человек находился «один на один» с Богом, стоя на посту, как часовой.

Деревянные церкви с шатровым завершением также были широко распространены в Сибири, наряду с клетскими. Например, сохранившаяся как музейный экспонат Церковь Спаса Нерукотворного Образа (1700). Срубленная из лиственницы церковь была сооружена в Зашиверском остроге на реке Индигирке в Якутии.

Почему именно шатровые церкви получили наиболее широкое распространение в Сибири? Безусловно, можно сослаться на архитектурно-художественную традицию того времени. Однако мы выдвинем предположение, что шатер стал распространенной формой архитектуры в Сибири еще и потому, что его очертания схожи с чумом – традиционным жилищем сибирских аборигенов; также встречаются шести- и восьмигранные юрты с верхом пирамидальной формы. Православные миссионеры для успешного выполнения христианизации должны были, с одной стороны, предъявить местным народам знакомые формы культовых сооружений. С другой стороны, внушить чувство возвышенного трепета. Среди яранг, юрт и чумов русские остроги с высокими башнями и церквами производили неизгладимое впечатление на местных жителей. Высокие подклеты церквей имели хозяйственное значение. Они служили складом различных товаров, общей казны купцов, соли, хлеба и т. д.; это не было отличительной особенностью сибирских храмов, как утверждает Н.К. Копылов [5, с. 123], в XVII в. церкви по всей России имели

в подклетах склады. Связано это было с изменением религиозности русских людей под влиянием западной культуры, вследствие чего еще теснее и неразличимее становились мирское и сакральное пространства культуры.

Еще один тип деревянных церквей – надвратные, стоявшие над острожными или монастырскими воротами. Они были широко распространены по всей Сибири. Например, надвратная Николаевская церковь Киренского Свято-Троицкого монастыря (1748).

Простота и основательность деревянной культовой архитектуры периода освоения Сибири обусловлена жесткими климатическими и военными условиями, при этом у людей возрастает потребность в максимальной защите Бога, которому ставят «Дом». Древние сибирские летописи изобилуют сообщениями о «чудесах», случающихся с отрядом Ермака в его многочисленных походах. В экстремальной ситуации, когда человек вынужден действовать на пределе своих возможностей, удачное стечение обстоятельств в его пользу воспринимается как Божественная помощь. При этом в архитектуре важна конструктивная основа и символы, свидетельствующие о том, что сооружение является церковью – маленькая главка и крест, иногда один крест. Простая изба с врезанной главкой по сей день остается самым распространенным храмом в селах и деревнях Сибири. Здесь продолжается традиция первых христиан, которые во времена гонений вынуждены были проводить службы в частных домах при минимуме вспомогательных средств.

Освоение чужой территории русскими сопровождалось «антиповедением» (поведение, противоречащее принятым культурным нормам). Первый архиепископ сибирский Киприан (Старорусенин), когда прибыл в Тобольск в 1621 г., то нашел среди прихожан большое количество случаев непотребностей: русские люди ходят без крестов, едят сырое мясо и пьют кровь вместе с инородцами, живут без венчания с женщинами сибирских племен, нарушают табу кровосмешения. Архиепископу жаловались сибиряки на отсутствие или пустование церквей – не было священников; существовала потребность в духовных книгах, колоколах, культовых предметах для богослужений.

Объяснение феномена антиповедения сибиряков находим у автора В.Ю. Софронова, который, ссылаясь на труды Б.А. Успенского и Ю.М. Лотмана, объясняет, что в XVII в. русским человеком Россия воспринималась как святая. Все остальные страны были «нечистыми», а, следовательно, все побывавшие в иноверческих странах, в данном случае в Сибири, впадали в грех, оскверняли себя [6]. С одной стороны, русские первопроходцы, придя в Сибирь, почти сразу же ставили церкви, часовни. С другой стороны, поведение их было отнюдь не христианским, в силу того что Сибирь была для них еще не домом, а объектом для завоевания.

Постепенно в Сибири сформировалась православная агиотопонимика. Названия селам, деревням, речкам, озерам давались по имени какого-либо православного праздника. Например, Воздвиженка, Покровка, Троицк, Успеновка, Благовещенск, Сретенка и другие. Называли по имени чтимого святого – Борисоглебское, Александровка, Николаевск, Петропавловское; по имени православной иконы – Иверка, Преображенка, Смоленка [7]. Православная терминология превращала сибирское пространство в сферу духовной преемственности с Россией, а не только в материально обжитое место.

Таким образом, организационное значение храмов в Сибири состояло в структурировании осваиваемого пространства, перекраивании языческого космоса в православный. С точки зрения русских, сибирская земля представлялась хаосом, который необходимо было упорядочить для комфортного существования, в этом смысле храм выступал в качестве маркера национально-религиозного самосознания русских первопроходцев.

Ссылки:

1. Есиповская летопись (основная редакция). Глава [7]. О пришествии Ермакове и прочих в Сибирь [Электронный ресурс]. URL: http://www.newchron.narod.ru/texts/esip.html (дата обращения: 28.03.2012).
2. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999–2005.
3. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
4. Курилов В.Н., Люцидарская А.А., Майничева А.Ю. Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII – начале XX в. : историко-этнографические очерки. Новосибирск, 2005.
5. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири в XVII – начале XIX в. Новосибирск, 1974.
6. Софронов В.Ю. Распространение православия в Сибири XVI–XVII вв. // Электронный журнал «Сибирская заимка». 2002. № 8. [Электронный ресурс]. URL: http://zaimka.ru/01_2002/sofronov_orthodoxy/ (дата обращения: 2.07.2012).
7. Стрельцова М.И., Шишкина Т.А. Агиотопонимика Западной Сибири // Православные традиции в народной культуре восточно-славянского населения Западной Сибири в конце XIX–XX вв. : сб. статей. Новосибирск, 2005.

References (transliterated):

1. Esipovskaya letopis' (osnovnaya redaktsiya). Glava [7]. O prishestvii Ermakove i prochikh v Sibir' [Electronic resource]. URL: http://www.newchron.narod.ru/texts/esip.html (date of access: 28.03.2012).
2. Miller G.F. Istoriya Sibiri. Vol. 1. M., 1999–2005.
3. Eliade M. Svyashchennoe i mirskoe. M., 1994.
4. Kurilov V.N., Lyutsidarskaya A.A., Maynicheva A.Y. Osvoenie Sibiri: sokhranenie i transformatsiya russkoy kul'tury v XVII – nachale XX vv. : istoriko-etnograficheskie ocherki. Novosibirsk, 2005.
5. Kopylov A.N. Ocherki kul'turnoy zhizni Sibiri v XVII – nachale XIX vv. Novosibirsk, 1974.
6. Sofronov V.Y. Rasprostranenie pravoslaviya v Sibiri XVI–XVII vv. // Elektronniy zhurnal «Sibirskaya zaimka». 2002. № 8. [Electronic resource]. URL: http://zaimka.ru/01_2002/sofronov_orthodoxy/ (date of access: 2.07.2012).
7. Strel'tsova M.I., Shishkina T.A. Agiotoponimika Zapadnoy Sibiri // Pravoslavnie traditsii v narodnoy kul'ture vostochno-slavyanskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri v kontse XIX–XX vv. : sb. statey. Novosibirsk, 2005.